

примеру относится, например, пантомима М. Марсо «В мастерской масок».

«Сюжет ее напоминает некую сюрреалистическую новеллу: человек любил надевать маски. Он часто менял их и привык к этому занятию. Однажды он надел отвратительную маску, которая ему нравилась своей глупостью и наглостью. Когда он захотел ее снять, оказалось, что она к нему прилипла. Ему стоило большого труда от нее избавиться». Вот, казалось бы, и все. Но лирический поэт Марсо превращает эту странную историю в расказа, глубоко поэтический и волнующий.

Надевая на лицо разные маски, человек соответственно меняется сам. Он надевает маски смешные и трагические, скорбные и забавные. Он надевает одну маску, другую, третью, все новые и новые маски, без числа. Зачем? Может быть, эта игра, содействующая его бесконечным перевоплощениям, доставляет ему удовольствие и он просто привык менять свое обличье? Или он не может обойтись, не может быть без маски, без личины, без притворства там, в мире танстеров и ханжей? Марсо не дает на это ответа. Он продолжает играть.

Но игра в маски не проходит для человека безнаказанно. Вот он надел еще одну маску — глупую, наглую харю с перекосенным, улыбающимся ртом. Она очень забавляет его. Он еро доволен. Но когда он хочет ее снять, она не поддается. Она прилипла к лицу. Человек не в силах ее сорвать, отодрать, освободить себя от отвратительной личины. Мы видим трагическое единоборство человека с маской, как бы насмехающейся над тщетными усилиями его тела и духа. Он в ужасе, он в сматении, он в отчаянии. Он даже пытается примириться со своей участью жить вечно под маской с дурацкой улыбкой. Еще и еще пытается ее сорвать. И когда это ему удается, из-под нее смотрит скорбное и усталое лицо человека, наконец освободившегося от необходимости жить в маске»¹⁵.

Большое значение в технике пантомимы имеет выразительная статика — поза. Режиссер, выстраивая с артистом пластическую партию пантомимического номера, должен понимать, что здесь необходимы постоянные чередования движений и поз. Можно даже сказать, что в пантомимическом номере поза «переливается» в другую позу посредством движения.

Именно поза акцентирует «оценочные» моменты, именно через нее выстраивается кульминационный пик действия и события. Часто поза сама по себе является зримым символом происходящего.

Кроме того, чередование движений и поз позволяет создать более разнообразную темпо-ритмическую структуру номера. «Подобно художнику, — описывал свои уроки Э. Декру, — одной позой ученик должен был выразить целую драму: передать не один только кульминационный момент какого-либо драматического события, но и то, что предшествовало ему, и предлажаемую развязку. Поза трактовалась в классе Декру как «динамическое бездействие».

Когда, не выдержав загроможденного в ней напряжения, поза домалась, ученик, изображавший статую, «оживал», — так рождалось движение. Обрета направленность, движение превращалось в жест, в конце которого, как логическое его завершение, возникала новая поза.

Со временем схема Декру «поза — движение — жест — поза» адаптировалась во многих европейских школах и была, таким образом, узаконена в современной пантомиме как один из ее классических канонов»¹⁶.

Если телом не управляют наши мысли и чувства, любовь, даже блистательно технологически разработанное тело, будет мертво. Если движение не направляется мыслью и эмоцией изнутри, оно никогда не станет действием. Если оно не рождено творческой жизнью воображения, то превращается в ряд бессмысленных перемещений.

Подлинный мим обладает не только специфически выразительной технологией движения, но и владеет внутренней психотехникой артиста. Только тогда технология становится средством создания художественного образа.

Жанры пантомим могут быть чрезвычайно разнообразны. Пантомима бывает и комической, и драматической, и трагедийной, и философской, и поэтической, и буффонной, и гротесковой, и фарсовой. Некоторые исследователи пантомимы считают, что буффонная, фарсовая, гротесковая пантомима — есть клоунада, которую они определяют как часть искусства пантомимы. С этим можно соглашаться, можно — нет, но не заметить определенного сходства некоторых жанров пантомимы и клоунады невозможно.

Между тем, клоунада, а в особенности — эстрадная, имеет ряд важных специфических особенностей, которым и посвящается следующая глава.